ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

МЕНАЖ А ТРУА

Людмила Евгеньевна Улицкая

Менаж а труа

Серия «Люди нашего царя. Они жили долго»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163832

Людмила Улицкая
Менаж а труа

Овдовела Алиса очень рано, в двадцать семь лет, и с тех пор несла свою осыпающуюся красоту невостребованной. Так случилось, что после смерти мужа она осталась в семье его первой жены Фриды и их сына Бореньки.

Их общий муж, – сначала Фридин, а потом Алисин, – писатель Беньямин Х., пишущий на языке идиш, был человек-энтузиаст. Восторженное состояние было присуще ему, как нос, рот, два уха. Многие по этой причине считали его идиотом, но таковым он не был – просто он так страстно, истово и яростно любил жить, что люди более умеренные раздражались. Помимо радости жизни, у него еще было особое дарование: он любил литературу. Русскую, французскую, польскую, финскую – любую, которая попадалась в руки. Он читал и все прочитанное помнил. И писал на языке идиш. Прочтет пьесу Ибсена, и напишет похожую на языке идиш. Прочтет дагестанского поэта, и тоже немного похоже напишет на еврейском. До войны было еще можно писать на идиш, хотя и немодно.

Первая жена Фрида тоже любила литературу, но была менее восторженна: у нее были любимые авторы, не все подряд, а языка идиш она знать не желала, хотя и знала в силу происхождения. Собственно, они и сошлись на литературной поч-

ве: оба ходили в поэтическую студию при молодежной газете в городе Харькове. От этой любви к литературе родился Боренька в двадцать четвертом году, а в тридцать третьем отца ребенка настигло новое чувство, о чем он написал множество стихотворений на языке идиш, совершенно неизвестном изумительной Алисе, которая из всех иностранных языков знала втайне только какой-то чухонский, ибо родом была из Ингерманландии, ныне Ленинградская область.

Отсюда следует, что пленилась она не талантом писателя, а чем-то иным, более существенным, и стремительно вышла замуж за разведенца, бросившего прежнюю жену и сына. Кроме мужа, Алиса любила животных, особенно пушистых кошек и домашних птиц, среди которых предпочитала канареек, и вышивание. Она прелестно вышивала очень сложные картины – аппликации. Теперь таких никто уже не делает, потому что старомодными они были еще до той войны.

Оставшаяся не у дел в семейном смысле Фрида с сыном уехала в Москву к брату Семену, занимавшему большой пост в каком-то министерстве, не то лесном, не то угольном и устроилась, благодаря брату, на работу. Она была женщина передовая, ревность считала мещанским атавизмом и подавила ее железной рукой практически в самом зачатке. Они жили с Боренькой бедной, но культурной жизнью: много читали, ходили в театры, на концерты и на диспуты.

С бывшим мужем Фрида состояла в оживленной перепис-

ке, муж писал ей письма на идиш, она отвечала на русском. Разъехавшись по разным городам, благодаря постоянной переписке они делались друг другу все ближе… Духовная близость выше физической – уверилась Фрида. Хотя материальное она ставила выше духовного, твердо зная, где базис, а где надстройка, но в своем личном случае, вопреки логике, предпочитала доставшееся ей духовное утраченному телесному… Похоже, муж с ней был согласен: иначе не писал бы ей столь длинных и подробных писем.

Сын Боря приписывал слова привета. Как и родители, он рос книгочеем и любителем всяческой словесности, особенно в письменном виде.

В тридцать пятом году бывший муж Беньямин написал Фриде очень горькое письмо о непонимании происходящего. Энтузиазм его поколебался. Его откуда-то выгнали и куда-то не взяли. К тому же, он где-то не совсем удачно выступил, неправильно был понят, и долгое время приставал ко всем, кто соглашался его слушать, с объяснением произошедшего недоразумения. Он тряс чудесными кудрями, зачесанными назад и спадавшими художественно набок, вопрошающе раскидывал совершенной красоты руки, но люди шарахались, никто не хотел его выслушать и понять правильно. Фрида, конечно, могла. Но уж никак не Алиса – она была слишком молода и красива для понимания чего бы то ни было, к тому же не еврейка. А нееврейка не может понять трепет иудейской души. Тем более, что Алиса была женщина северная,

с очень ей подходящей профессией белошвейки, и даже была дочерью белошвейки, имевшей свое собственное небольшое дело в Петербурге в те времена, когда кружева исподнего еще не вошли в противоречие с грубым сукном эпохи. Корни Алисины были, таким образом, совершенно буржуазные, но красота ее от этого обстоятельства не проигрывала. Скорее, наоборот.

Итак, Алиса не понимала языка, на котором писал ее муж, не понимала сложности отношений, в которые он был вовлечен, но она очень его любила: он был красив, добр, весел, совершенно ничего от нее не требовал и, теряя день ото дня могучий дар радования жизни, в ней одной, в гладкой поверхности и сладкой изнанке ее молодой красоты получал последние, но неопровержимые подтверждения своему иссякающему оптимизму.

Когда атмосфера в Харькове стала непереносимой, писатель поехал в Москву, чтобы посоветоваться о дальнейшей жизни с Фридой и даже, может быть, с ее высокопоставленным братом Семеном.

Любящая Алиса одного его не отпустила, решили ехать вдвоем. И в конце мая тридцать пятого года Беньямин позвонил в звонок избитой ногами двери в Варсонофьевском переулке. Четыре раза. Открыл дверь сын Боренька. Бросились друг другу в объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.